

Литературно-художественное издание

Издательство Российского союза писателей

Серия: Библиотека солдата СВО

Артис Дмитрий
(Краснов-Немарский Дмитрий Юрьевич)

СТИХИ

Он шагает по войне...

Я ничего не делал,
только представил,
что должен
тебя защитить,
пока ты бегаешь
по минному полю,
спасая бездомных котят.

Распаханы земли украинским градом,
но мы, не теряя осанки,
шлифуем равнину победным парадом
на русском обугленном танке.

Враги убегают, вздыхают на ладан,
бросают в окопах берданки,
но мы, наступая на пятки снарядам,
любого догоним на танке.

Бегут без оглядки, кто лесом, кто садом,
теряют портки и портянки,
но мы уже близко, но мы уже рядом
на русском обугленном танке.

Бегите по краю хоть в дальние грани,
поймаем и скрутим в баранку.
За каждую рытвину русских окраин
ответите нашему танку.

Воронку к воронке оставили гады,
равнина с лица, как с изнанки,
но мы эту землю по-братски пригладим
на русском обугленном танке.

Готовимся к долгой войне
и впрок запасаемся гречкой.
Завёлся сверчок по весне
за микроволновую печкой.

Стрекочет, как будто один,
весь мир у него в саквояже,
а мы собрались в магазин
пока ещё гречка в продаже.

Попробуй не ведать вины,
стыда не почувствовать, если
за микроволновкой слышны
сверчка беспечальные песни.

Торопится тот, кто ведом,
притянут к ноге за верёвку,
и мы покидаем свой дом
купить про запас упаковку.

Ничто так не будет смущать,
как песня, горящая свечкой,
о том, что жива благодать
за микроволновою печкой.

Жить захочешь –
выживешь, прорастёшь травой
на полянке, выжженной миром и войной.

Даже если обухом перебить хребет –
вытянешься облаком и пойдёшь на свет.

За горой какой-нибудь встанешь отдохнуть,
оседлаешь коника и продолжишь путь.

Хоть сады возделывай, можно жить кругом:
тут посадишь дерево, там построишь дом,

и закружат около дома налегке
сталинские соколы в чёрном воронке.

Открыв
сто тысяч
пятьсот каналов,
листаю сводки
до темноты...

Где перемога*
не проканала,
там на бульварах
уже цветы.

Листаю:
ахтунг,
и znovu зрада** –
накал истерик
штурмует высь,

* Перемога (укр.) – победа.

** Знову зрада (укр.) – снова предательство, измена.

а здесь пейзажи,
изгибы сада,
земля и небо –
в одно слились.

Записан ролик
не военкором,
а так –
проходим, –
и брошен в Сеть.

Теперь висит он
смешным укором
тому, кто прочил
России смерть.

По дну окопа
легла протока,
и слышен ясно
девичий смех.

Кому-то зрада
и перемога,
а нам победа –
одна на всех.

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост,
 продлив отца и мать,
я буду в полный рост
 безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит,
 открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой
 в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами – русский Бог.

Иным оставим футбол и пиво,
а сами в пекло пойдём красиво.
У барной стойки не ждут мессию.
Плохие парни спасут Россию.

Не надо больше домашней каши.
Пусть на шевронах подруги наши
так улыбнутся, что, обессилен,
умолкнет сладкоголосый Сирин.

Пока иные – не то что парни,
а так – печеньки от мишки Барни –
расскажут байки про аннексию,
плохие парни спасут Россию.

Обвисло небо, земля в растяжках,
нас очень много, и мы в тельняшках.
Иные дома сидят в пижамах,
носы в повидле да яд на жалах.

Такие люди не знают жизни,
им непосильна любовь к Отчизне.
И пусть иные подобны змию,
плохие парни спасут Россию.

Со всех сторон предатели,
кругом одни враги...
Сто лет стоят у матери
в прихожей сапоги.

Отцовские, как новые,
с калошами рядком,
подошвы коронованы
железным каблукком.

На старте, что на финише, –
один потенциал.
Я раньше, даже выпивший,
сапог не надевал.

Отечества и отчества
ни разу не сменил.
Отец мой вроде плотничал
и пчёлку разводил.

У горизонта пасмурно.
Мне издали видать
разграбленную пасеку
и вражескую рать.

Играть судьбе изломанной
в бездомного щенка.
Горит, как зацелована
предателем, щека.

И жизнь ещё не прожита,
не набраны долги,
но я иду в прихожую
примерить сапоги.

Пока ревёт
столетним кедром
войны
разинутая пасть,
хочу семейную
легенду
вам рассказать,
не торопясь.

Мы забываем
в суматохе
о том, что
рождены людьми
и в обезумевшей
эпохе
найдётся место
для любви.

Земля
плотнее каравая
казалась каждому
бойцу,
когда Вторая
мировая
шла к очевидному
концу.

В Европу
съездивший
без визы,
в день завершения
войны
мой дед улыбку
Моны Лизы
набил себе
на полспины.

Не ведаю,
в какой газете
каких
поверженных
племён,
он репродукцию
заметил
и был изрядно
впечатлён.

Домой
вернувшись
к сенокосу,
работал в поле
без прикрас,
рубаха вымокла
до сноса,
и дед рубаху
снял на раз.

Сельчане
выпучили зенки,
увидев деда
со спины, –
они узнали
в иноземке
девчонку
с нашей
стороны.

Не надо
патоки
сердечной
под выцветающей
луной.
Женись на той,
что будет вечно,
как чувство Бога,
за спиной.

Судьба скучает
без каприза.
Мальчишник был
в кругу друзей,
где перебили
«Мона Лиза»
на вензель
бабушки
моей.

С тех пор
что только
не бывало,
но в службе ратной
и в труде
у деда
на спине сияла
одна улыбка –
Анны Д.

У детей на историю
собственный взгляд,
они лучше нас понимают,
о чём говорят.
Вот и мой малолетний сын
словами вселенную грузит,
рассказывая о тех,
кто жил в Советском Союзе.

Взяв меня за руку,
водит по площадям
и говорит без умолку,
уши мои не щадя:
– Советские люди были
такими большими,
что не могли поместиться
в обычной машине,

поэтому чаще
ходили пешком,
когда на Берлин, а когда
за парным молоком.
Улыбались друг другу,
будто ничто не тревожит,
и были они, представь себе,
на памятники похожи.

А ещё советские люди
были умнее всех,
знания помогали
раскалывать грецкий орех.
Возьмут его в руки, бывало,
и даже не будут стараться,
орех разлетится сам
на тысячу электростанций.

Советские люди были
сильнее индийских слонов,
могли на субботниках брёвна
подкидывать до облаков,
и если детей обижали
свирепые бабайки,
то рвали советские люди
свирепых бабаек на майки.

Слушаю и удивляюсь,
вопрос возникает один:
откуда так много знает
мой малолетний сын?
Я ведь ему не рассказывал,
но память моя бородата,
точно помню, что были
такие люди когда-то.

Детское

Селу
 сегодня
 повезло,
бойцы
 зачистили
 село.

Другому
 также
 повезёт,
в него
 зайдут
 бойцы
 ВОТ-ВОТ.

Потом
 военная
 метла
зачистку
 третьего
 села
 начнёт,
и будет
 чисто
 на свете
 без
фашиста.

Немытые руки раскинув,
подпрыгнув и завереща,
вернётся на родину Киев
откушать с устатку борща.

Хромая на правую ногу,
протиснется ближе к столу
и скажет: «Насыпьте немного
борща дорогому хохлу».

И будет плести небылицы
в кругу сердобольных мещан
о том, как худел за границей,
скучая по русским борщам.

О том, как чужбина достала,
как недруги выгрызли бок...
Наевшись борща до отвала,
уснёт головой на восток.

А завтра, от наглости взмокши,
как чёрт, изогнётся плющом,
подсядет к русне или к мокше
и плюнет в тарелку с борщом.

Солнце темнеет, когда
в самой красивой воронке
дети хоронят кота,
бантик стянув на картонке.

Слышали шум за версту,
будто взрывались пакеты.
Ночью могилу коту
вырыл кусок от ракеты.

Мальчики слёзы не льют,
век у товарища краток.
Тучу расчертит салют
из деревянных рогаток.

Девочки сжались в комок,
топчут сандалики глину:
– Как же ты, как же ты мог
верных подружек покинуть?!

А высоко над землёй,
сдвинув сердитые брови,
кто-то большой-пребольшой
новый лоток приготовил.

В растяжках не только ухабы –
деревья, заборы, пеньки...
Но ждут нас красивые бабы
на той стороне у реки.

А реку с армейской поклажей
по мостику не перейти.
Пристреляна снайпером даже
прореха в рыбацкой сети.

Огнём накрывает неслабо,
и видишь, и слышишь с трудом.
Но ждут нас красивые бабы,
а значит, мы скоро придём.

Написано в правильной Книге:
по швам разойдётся река,
когда чудоносные МиГи
крылами порвут облака.

И мы не вокруг по ухабам –
по дну доберёмся туда,
где ждут нас красивые бабы
и наши стоят города.

Ты
неправильно
любишь
Россию,
у тебя нелады
с головой.
Я под рюмку
стишок не осилю,
сочинённый
недавно тобой.

Будто
чистый родник,
англицизмы
испоганили
русскую речь.
Невзирая
на все катаклизмы,
надо слово
любить
и беречь.

В наше время
смешно и нелепо
в иностранной
джинсе
выступать.
Нам не надо
шансона и рэпа,
и частушек
нам тоже
не нать.

Не годится
всё то, что
попроще,
и со сцены
не надо ля-ля
разводить
о берёзовых рощах
и читать
о бескрайних
полях.

Слишком скучно,
затасканно,
пресно,
и гармошка
давно не в чести.
Как ты можешь
свои непотребства
в годы бедствий
народу
нести?

Никогда
не сойдёшь
за мессию,
потому что,
сморкаясь в кулак,
ты неправильно
любишь
Россию,
надо как-то
не так...

Не видать
в прицеле солнца.
Фронт стоит,
не шелохнётся.
Распустившийся
мороз
на два метра
в землю врос,

и порывистым
галопом
скачет ветер
над окопом,
выбивая по пути
из патронов
конфетти.

Больше салютов,
красивых и разных,
больше огня
и любви,
чтобы стоял
отрезвляющий
праздник
Спасом
на чёрной крови.

Сажу смахнут
свежесрезанной веткой,
выбелят
накипь и гарь,
только
останется
в памяти предков
залитый
кровью алтарь.

Выпив
и радость,
и горе из чашек,
будто одно
вещество,
прошлое чтут,
без которого в нашем
будущем
нет ничего.

Забубенил крутой позывной
и живу, на себя непохожий:
то надменно тряхну стариной,
то старательно лезу из кожи.

И луна, будто ломаный грош,
светит мордой лихого героя.
Называйте меня Огогош,
потому что ещё ого-го я.

Если Родине пальцем грозят
и летят над Отчеством гóвна,
Огогошу в свои пятьдесят –
не сидится на заднице ровно.

Он хватает зазубренный нож
и кричит, будто матами края:
«Называйте меня Огогош,
потому что ещё ого-го я!»

На портянки порву тишину,
раскроится на флаги зарница...
Добровольцем иду на войну,
чтобы насмерть за Родину биться.

Поле боя,
где солнце по-летнему
подрывает себя
на закат,
ветераны покинут
последними,
прикрывая
отход салажат.

Непонятен приказ
к отступлению.
Слабакам
в колотун горячо.
Только-только ведь
кровушка вспенилась
и почти
раззуделось плечо.

Здесь пока
всесоюзная здравница!
Но слезу
вышибая из глаз,
даже если солдату
не нравится,
он обязан
исполнить приказ.

Города и селения
пройдены,
отступить –
это значит предать.
Не такому
учила нас Родина,
беспощадная
Родина-мать.

Потому
ветераны упорото
отползать в камыши
не спешат,
прикрывая
не нюхавших пороха
и не знавших войны
салажат.

Он шагает по войне
в керамической броне,
с командирскими часами,
закурив донецкий «самел».

Не мальчишка, но старик,
бородатый штурмовик,
настоящий, самый русский,
с группой крови на разгрузке.

Завтра утром, ровно в пять,
будет Киев штурмовать
в честь единственной подруги,
той, которая в испуге

оттого, что чудо-град
захватил ползучий гад,
оттого, что русский город
заселил поганый враг.

Колыбельная

Тихо-тихо. Бой прошёл, и
не свистят над ухом пули.
Спрятав лица в капюшоны,
парни русские уснули.

Спят в окопах автоматы
после страшной заварушки.
Замолчали виновато
куковавшие кукушки.

Было жарко, стало сыро.
Ветром облако полощет,
и висит кусочек мира
над задумавшейся рощей.

Падёт не Киев – Киев нерушим,
падёт преступный киевский режим,
который раскрутился на оси
предательства, оставшись без Руси.

Под натиском прозападных элит
он устоит, как русский алфавит.
На фоне развязавшейся войны
падёт не Киев тенью от стены,

но, прислонясь к империи плотней,
он выпрямится тысячью теней,
и мы с тобой сквозь дымку разглядим
падёж скота, откормленного им.

И будет Киев кроток и стоглав,
отмолит грех, себя отлупцевав,
и, дай-то, бог, в свой суетный черёд
ещё немного Польшей прирастёт.

Жахало и пенилось в ушах,
спали штабелями в блиндажах,
кипятили снег на зажигалке
и, смеясь, пристреливали палки.

Положив под голову клешни,
матерились хуже алкашни.
Трудно разговаривать культурно,
посчитав потери после штурма.

Забирали улицы, мосты,
базы, укрепления, посты
у проворовавшего гада.
Всё своё – чужого нам не надо.

После боя, смазав калашаи,
в женщинах не чаяли души,
байками затравливали ночи
и домой хотели... Но не очень.

Неловко быть
в числе героев.
В военном деле –
полный «чайник».
И я с ума схожу
от горя,
когда любимая
печальна.

От ссоры
до кровавой бойни
всего полшага –
можно строим.
В боях
не замечаю боли,
но я стесняюсь
быть героем.

Бегу того,
что не по делу,
от анекдотов
вянут уши,
но к миномётному
обстрелу
я совершенно
равнодушен.

Неловко быть
в числе героев,
смущают почести
и слава.
Характер детский,
глаз коровий,
но крепок,
что орёл
двуглавый.

Я здесь, и мысли о тебе
наполнены любовью.
Жую простуду на губе
и сплёвываю кровью.

Смотрю, процеживая мрак,
и слепну от пожаращ.
Лицом к лицу заклятый враг,
плечом к плечу – товарищ.

Ты с нами, мы в одном строю,
ты тоже месишь глину.
Я грудью за тебя стою,
ты – прикрываешь спину.

Мороз нахлынувшей зимы
и жар лихой години...
Ты тоже здесь, и, значит, мы
никем непобедимы.

Война – это доблесть,
отвага и честь.

Война – это вера
и братство.

Тому, кто привык
только сладости есть,
желаю подальше
убраться,

забиться
в укромного сна уголок
под юбкой
у старенькой мамки...

Война – это счастья
кровавый кусок,
свобода без рабской
огранки.

Война – это сила,
величие, мощь,
любовь и
красивые люди.
Вовсю освещает
кромешную ночь
божественный залп
из орудий.

Гуляет по чистому
полю рассвет,
и топятся
русские бани.
Война – это память
о том, чего нет,
которую мы
разгребаем.

Война – это самая
лучшая мать
и манная каша
из детства.
Тому, кто привык
на перине лежать,
в раю не отыщется
места.

Война – это в прошлом
оставленный мир,
придуманный
ласковым Богом.
Но мы этот мир
зачитали до дыр –
война подлатает
немного.

Целый
день
на бэтээрах
перекрашивали
снег,
и под
вечер
батарея
разрядилась
на ночлег.

Парни
расползлись
по норам,
я остался
до утра
брать
бессонницу
измором
под журчание
костра.

Много жара,
мало дыма.
Ночь
исполнена
огней.
Можно
думать
о любимой
как о женщине
своей.

Сохнет
сброшенная
каска,
скачет
месяц
голышом.
Всё настолько
распрекрасно,
что немного
хорошо.

Лес молчит,
но ловишь
ухом:
всякой нечисти
в укор
звучно тянет
русским духом
изо всех
звериных
нор.

Синица

Полночь.
В небе
звёздный улей.
Поле белое
лоснится.
Развлекает
в карауле
сердобольная
синица,
и шевелятся усы
нашей
лесополосы.

В блиндаже
чужая нычка
переполнена
бычками.
Птичка
ростом невеличка,

а по воздуху
чеканит,
чтоб
уоставший караул
от мороза
не уснул.

Сколько
клювиком
ни щёлкай,
не возьму тебя
на мушку!
Время льётся,
как сгущёнка
в металлическую
кружку,
и как будто
сотню лет
нет войны
и смерти
нет.

Растопырило небо
продрогшую лапу
и моргает глазищем:
– За кого ты воюешь?
– За маму и папу!
За могилки
на старом кладбище...

Облака опустились
на чёрную кочку,
о любви промяукав:
– За кого ты воюешь?
– За сына и дочку,
за родителей
будущих внуков!

Отвечать на простые
вопросы без мата
переходит в привычку:

– За кого ты воюешь?

– За лучшего брата
и за лучшую в мире
сестричку!

– От слепого огня
уходя по туману,
будто прячась в кулису,
за кого ты воюешь?

– За Инну и Анну,
за Марию
и за Василису!

– На тарелку сгружая
овсяную кашу,
что гороховой гаже,
за кого ты воюешь?

– За Родину нашу,
за Россию –
и проще не скажешь.

Вернулись парни с боевого,
вернулись на своих ногах.
Жива Россия и здорова,
чего не скажешь о врагах.

Сгущались над равниной тучи,
но верен был и был суров,
как Божий суд, отряд летучий
безбашенных штурмовиков.

Отваге есть куда излиться
слепящим ливнем из ведра.
На месте вражеских позиций
теперь бездонная дыра.

И проще самого простого
сказать о сущностях земли:
вернулись парни с боевого,
распили чай и спать легли.

Поднимется ветер, уляжется боль.
Война как вершина искусства.
Мне так не хватало разлуки с тобой,
что я обесценивал чувства.

Не думал, что буду способен мечтать,
от пуль укрываясь в траншее,
о том, как любви кровавая печать
свой след оставляет на шее.

Не верил в умение слепнущих глаз
твой образ ловить до рассвета –
в тумане, в дыму ли, который прожгла
ракетница, будто комета.

Не знал, что надменные губы твои
дрожат, если я исчезаю.
Война как вершина искусства любви.
Я думаю, верю и знаю.

16+

Литературно-художественное издание

Серия: Библиотека солдата СВО

Артис Дмитрий
(Краснов-Немарский Дмитрий Юрьевич)

СТИХИ